

Глава 18

Знамя Пожирателя Душ: Невестка, открой, я твой брат!

В итоге Цуй Ян съел всё, что было на столе.

Ночью, утопая в мягкой постели, он чувствовал смертельную усталость, но сознание, вопреки обыкновению, оставалось пугающе ясным. Обычно он засыпал, едва коснувшись головой подушки, но сегодня, как назло, не мог сомкнуть глаз. Пальцы необъяснимо ныли, и он без конца ворочался с боку на бок.

В памяти всплыли слова гадалщика, встреченного по дороге домой: «Берегись своей жены». Но чего беречься? Она была идеальна, воплощение всех его желаний. Он должен быть доволен.

Ночь сгущалась. Старший сын давно сделал уроки и спал. Дочь тоже не издавала ни звука — с тех пор как он вернулся, она ни разу не заплакала. Всё было именно так, как он хотел. Он мог спокойно спать, не отвлекаясь на их крики и плач. Ему нужно было лишь зарабатывать деньги.

Внезапно его пронзило чувство вины. Он решил пойти проведать детей, особенно младшую дочь. Он не видел её уже три дня. Мягкая, тёплая малышка, суший ангел, когда не плачет. Одна её улыбка способна была растопить его сердце.

Он с укором поднялся с постели. Это он виноват, что всё время занят, нечего удивляться, что дети к нему не тянутся.

После рождения второго ребёнка его стал раздражать плач, мешающий спать. Несколько раз он срывался, и жена, чтобы не беспокоить его, стала уходить с детьми в другую спальню.

Он наощупь встал и, боясь разбудить детей, двинулся к их комнате.

Дверь в спальню, где спали дети, была приоткрыта. Лунный свет, проникая через окно, чётко очерчивал пространство у подоконника.

Желая убедиться, что дети спят, Цуй Ян осторожно заглянул в щель. Увиденное едва не заставило его душу покинуть тело.

У маленького столика, на границе света и тени, сидела его жена. Это был туалетный столик, который он когда-то купил ей.

В начале их совместной жизни денег не было, и он заказал его в интернете за триста юаней. Для них тогда это была целая роскошь.

Жена плакала от радости, но при этом упрекала его в расточительстве. Он долго обнимал и утешал её, обещая, что будет усердно работать, купит ей столик побольше и даже сделает гардеробную.

В прошлом месяце их непоседливый сын сломал ножку у стола. Жена рассердилась и попросила его починить.

Он отмахнулся, сказав, что занят и у него нет времени на всякие глупости, и велел не дёргать его по пустякам.

Она починила его сама. Неумело прибила доску, оставив гвозди торчать наружу. Боясь, что дети поранятся, она обмотала их толстым слоем скотча.

Сейчас она сидела перед ним и наносила макияж. В зеркале отражалось её лицо — мертвенно-бледное, без единой черты.

Оно напоминало дешёвую белую маску или гипсовую фигурку для детского творчества — абсолютно белое, без малейшего оттенка.

Кровь мгновенно ударила Цуй Яну в голову. Леденящий ужас сковал его, сдавил горло. Он застыл в дверях, забыв даже об инстинктивном желании бежать.

Женщина взяла белый гребень и принялась медленно, сосредоточенно расчёсывать длинные распущенные волосы.

Закончив, она отложила гребень и взяла круглую коробочку. Ногтем она зацепила комочек кремообразной массы и начала тщательно, равномерно втирать его в лицо.

Её движения были торжественны, словно она совершала некий ритуал. Лоб, щёки, нос, подбородок... По мере того как она наносила крем, лицо в зеркале переставало быть пугающе белым, постепенно обретая цвет.

Наконец, она взяла баночку с красной пастой и пальцем принялась медленно наносить её на губы. Цвет был похож на запекающуюся кровь и в лунном свете казался особенно ярким.

Завершив ритуал, она замерла, слегка склонив голову набок. Она то ли любовалась собой, то ли искала изъяны.

Цуй Ян невольно сглотнул, и сдавленный вздох вырвался из груди. Его жена... она вообще человек?

В детстве он читал «Рассказы Ляо Чжая о необычайном», и история о демоне в раскрашенной коже стала его ночным кошмаром. Он долгое время боялся закрывать глаза по ночам. Неужели он столкнулся с чем-то подобным?

Зеркало отразило её медленно расплывающуюся улыбку. Было видно, что она довольна своей работой.

Внезапно её улыбка застыла. Раздался скрип, словно поворачивается деревянная шея.

— Муж, ты там?

Цуй Ян до боли ущипнул себя. Спокойно! Он должен сохранять спокойствие! Дети всё ещё в той комнате!

Женщина медленно поднялась. Повинуясь внезапному порыву, Цуй Ян юркнул в соседний туалет.

Ноги подкашивались от страха. Он оперся о раковину, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я в туалет. Ты чего не спишь?

Он проклинал себя за то, что выбросил ту визитку.

Палец, которым он к ней прикоснулся, снова пронзила острая боль, словно напоминая, что нужно немедленно бежать за помощью к тому гадалщику.

Женщина застыла за дверью, прислушиваясь.

Цуй Ян затаил дыхание. Сердце бешено колотилось. Он боялся, что она заметит неладное.

Он никогда не думал, что время может тянуться так мучительно долго. Каждая секунда была пыткой. Когда он был уже на грани срыва, женщина медленно развернулась и вернулась в комнату.

Цуй Ян судорожно хватал ртом воздух. Нервы были натянуты до предела, спина взмокла от холодного пота.

Собравшись с силами, он подошёл к двери спальни и постарался говорить как можно более естественно:

— Любимая, на работе срочное дело, начальник вызвал. Ложись спать, не жди меня.

— Хорошо, поезжай, — донёсся из-за двери её нежный голос. — Будь осторожен в дороге.

Он не решился больше ничего говорить. Выскочив из квартиры, он почти вполз в лифт, а выбежав из подъезда, бросился бежать без оглядки. Он должен был как можно скорее найти тот ларёк.

Ночная улица закусочных почти опустела. Ветер гонял по асфальту бумажный мусор, создавая ощущение заброшенности.

Он тщетно озирался в поисках ларька и побрёл по памяти в ту сторону, где видел его днём. Наконец, в глухом переулке он увидел ветхий особняк.

— Мастер? Вы здесь? — неуверенно позвал Цуй Ян. Он никогда не видел, чтобы мастера жили в подобных развалинах, и даже засомневался, правильно ли он пришёл.

Цзян Юань сидел в позе лотоса перед алтарём предков, пытаясь медитировать. Но сытный ужин клонил в сон, и глава ордена, сам того не заметив, задремал под бдительными взорами праотцов.

Дуань Аньло даже заботливо укрыл его простыней, чтобы не простудился.

Внезапный крик разбудил Цзян Юаня. Он недовольно поднялся и пошёл открывать. Увидев бледного как полотно Цуй Яна, он нахмурился.

— Это ты? Быстро же ты прибежал.

Ему не нравились те, кто не верил его прадеду-основателю. Он был его преданным фанатом, его живым щитом. Прадед-основатель учил: если кто-то не нравится, дай ему отпор, иначе пострадает твоё даосское сердце. И сейчас ему очень хотелось высказать Цуй Яну всё, что он о нём думает.

— Да, это я! — Цуй Яну было не до его настроения. Он схватил Цзян Юаня за руку. — Моя жена... она не человек!

Цзян Юань поморщился от боли и выдернул руку.

— Что случилось?

— У неё нет лица! То есть... оно белое! Как у раскрашенной куклы! — сбивчиво, с покрасневшими глазами, выпалил Цуй Ян. — Мои дети всё ещё там, умоляю, спасите их!

Из глубины дома лениво вышел Дуань Аньло. Он зевнул и устремил взгляд на Цуй Яна.

— Ты говоришь, что боишься, беспокоишься о детях, но за всё это время ты ни разу не спросил, что с твоей женой. Забыл?

Цуй Ян замер. Он и вправду бессознательно вычеркнул жену из своих мыслей.

— Она... правда моя жена? — пробормотал он.

— А разве её нынешний облик — не то, чего ты всегда хотел? — усмехнулся Дуань Аньло. — Нежная, добродетельная, прекрасно готовит, умеет следить за собой, всегда выглядит сногсшибательно — не стыдно и людям показать. Она воспитывает детей, помогает им с уроками, успокаивает, когда они плачут, содержит дом в идеальной чистоте. Она заботится о тебе, никогда не жалуется, не спорит, не упрекает в том, что ты мало зарабатываешь, и даже не просит денег на жизнь.

Лицо Цуй Яна становилось всё бледнее. Точно, в этом месяце он не давал ей денег. Откуда тогда взялись деньги на молочную смесь для дочери? На продукты, из которых она готовила ужин?

— Раз она так идеальна, какая разница, человек она или нет? — с нажимом произнёс Дуань Аньло. — Возвращайся и живи с ней долго и счастливо. Она и так устала, не будь таким неблагодарным.

Ноги Цуй Яна подкосились, и он едва не рухнул на колени.

— Мастер, не шутите так, я же от страха умру.

Дуань Аньло несколько секунд молча смотрел на него, а потом спросил:

— Какая жена тебе нравилась больше: прежняя или нынешняя?

Цуй Ян открыл рот. Разум подсказывал, что нужно ответить: «Конечно, прежняя», но слова застряли в горле.

Нынешняя жена была безупречна: всё делала по дому, никогда не жаловалась, идеально заботилась о детях.

Но за этой идеальностью скрывалось нечто нечеловеческое!

— Нынешняя, конечно, очень хороша, но... — его голос был едва слышен.

— Но она не человек, так? — холодно усмехнулся Дуань Аньло и, развернувшись, пошёл прочь. Спать захотелось.

— Мастер, как моя жена стала такой? Её ещё можно вернуть? — взмолился Цуй Ян, хватая его за одежду.

— Только сейчас вспомнил? — Дуань Аньло с презрением вырвал у него полу своей одежды и брезгливо отряхнул. — Раньше где был?

Эти слова хлестнули Цуй Яна по лицу. Он виновато опустил голову.

— Простите, я был слишком напуган.

Слова Дуань Аньло вернули его на десять лет назад. Тогда у них не было денег даже на свадьбу, и она сказала, что это неважно, отпразднуют позже, когда разбогатеют. Главное, что они вместе.

Вспомнил, как она, чтобы сэкономить на аренде, три месяца подряд ела одну лишь лапшу с овощами.

Вспомнил, как они, простуженные и больные, вытряхивали мелочь из копилки, чтобы купить лекарства... Даже тогда она не думала его бросить.

А сейчас... Она оставила работу ради него, родила ему детей, а он, чтобы обеспечить им достойную жизнь, работал на износ.

Но когда жена стала для него чем-то само собой разумеющимся? У него было слишком много забот, и он, не задумываясь, оттеснил её на последнее место.

А он, добившись всего, забыл, с чего начинал.

Цуй Ян с силой ударил себя по лицу.

— Это всё я виноват! Мастер, умоляю, спасите мою жену!

Он поднял голову, и слёзы хлынули из глаз.

— Я хочу вернуть свою прежнюю жену, ту, что злилась, ворчала и спорила со мной по пустякам! Какой бы идеальной ни была эта, она — не моя жена!

Дуань Аньло наконец смягчился.

— Хоть какая-то совесть у тебя осталась, — бросил он. — Пойдём.

Цуй Ян торопливо вытер лицо и, спотыкаясь, пошёл за ним.

— Куда?

— Разумеется, прикончить эту тварь, — ответил Дуань Аньло, снимая со стены Знамя Пожирателя Душ. Он обернулся. — Но я не могу обещать, что твою жену удастся вернуть. И насчёт детей тоже не уверен. В конце концов, какие дети никогда не плачут?

Разве что мёртвые.

Цуй Ян застыл на месте, сердце пропустило удар.

— Прошу прощения, сначала оплата, — по-хозяйски встрял Цзян Юань, видя, как сгущаются тучи. — Ваша зарплата за полгода.

Цуй Ян опешил, потом, словно в тумане, достал телефон.

— Простите, у меня сейчас нет такой суммы.

— Что делать? — обернулся Цзян Юань к Дуань Аньло.

— Сколько есть, столько и плати.

Цуй Ян машинально ввёл пароль и перевёл тридцать четыре тысячи.

— И ещё пять юаней за проезд, — Цзян Юань помахал ключами. — Не забудь написать расписку, вернёшь вместе с остальным долгом.

В его взгляде читалось нескрываемое презрение: и то ему подавай, и это. Жена так изменилась, а он и не заметил. То ли дурак, то ли бессердечный.

Дуань Аньло усмехнулся. Кто сказал, что у Цзян Юаня нет характера? Когда злится, он очень мил.

Едва они вошли в квартиру Цуй Яна, как в нос ударил странный запах — смесь каких-то благовоний и гниющего мяса.

Цзян Юань сморщил нос, снова достал свой потрёпанный меч из персикового дерева и, сделав два глубоких вдоха, приготовился ринуться в бой. Прадед-основатель сказал: видишь несправедливость — действуй, иначе пострадает твоё даосское сердце. Он уже постиг эту истину.

Дуань Аньло со вздохом схватил его за шиворот и оттащил назад. Этот ребёнок становился всё более безрассудным.

Заслонив обоих собой, Дуань Аньло вошёл первым и направился прямо к спальне.

Дверь была приоткрыта, и именно из щели сочился этот запах.

Дуань Аньло встал у двери и вежливо постучал по ней Знаменем Пожирателя Душ.

— Невестка, вы спите? Если нет, не могли бы вы выйти на минуточку... умереть?

<http://bllate.org/book/13676/1211745>